

Родить – победить

> Вначале сходишь с ума от боли,
потом не находишь себе места от счастья

НАЧИТАВШИСЬ литературы и насмотревшись в центре «Материнство» фильмов о разных вариантах рождения детей, выяснила, что в Магнитке, увы, никаких альтернатив «больничным» родам нет. Единственное, что могла сделать, чтобы быть уверенной, что все будет хорошо, договорилась об «индивидуальных родах».

Последние три недели жила в ожидании «ну вот начнется». «Знающие» предупредили: «Раз будет девчонка – не доходишь, это мальчишек перенашивают...» Однако моей малышке, видимо, было очень уютно в мамином животе, когда все сроки истекли, я пошла «сдаваться» в роддом.

Неделя, проведенная в отделении патологии беременных, ничего не дала. Малышонок затаился внутри, разговоры с крохой типа «Я очень жду твоего появления» не помогали. Пришлось врачу «поторопить» маленькую.

– Через пару часов должны начаться схватки, – сказала в полдень заведующая отделением роддома № 3 Людмила Толстенкова, мой доверенный врач.

Но дочь продолжала упрямяться. Что я только не делала: прыгала по лестнице, поднимала кровать, вспоминала комплекс упражнений из йоги... – ти-ши-на! Наконец, когда сдалась, легла спать. Прихватило живот. Через пять минут повторилось. Чтобы убедиться наверняка, что это действительно «оно», час гуляла по тиши ночных коридоров, радостно встречая каждую схватку.

Однако в родовом отделении душевизирующие крики измощенных от боли женщин и обязательные для рожениц гигиенические процедуры: словно тебя готовят к операции – от этого страха еще больше – сделали свое «черное» дело, я испугалась, схватки стали реже. Пришлось ставить капельницу, потому что пути назад уже не было – воды отошли, промедление было опасно для малышки.

– Это надолго? – спросившись на капельницу и поморщившись, спросила я докторку акушерку.
– Пока не родишь.

«Хороша шутка», – усмехнулась я. Во многих источниках читала, что схватки легче переносить в движении, а не отлеживаясь в постели. В том же центре «Материнство» нам показывали фильм, как женщина родила танцуя. Но по тому, как медленно капало лекарство в вену, я поняла, что мне будет не до шуток... Вскоре схватки стали и чаще, и сильнее. Я с детства человек терпеливый, но тут долго не смогла держаться. Забыл про всякий стыд – к черту мужество и героизм! – завывала по нарастающей:

– У-у-у-у-у-у-у-у!!!...

Следующие два часа, игнорируя настоятельные просьбы акушерки «успокоиться и не пугать других», я рычала, мычала и давала своему телу возможность другими нечеловеческими звуками одолеть боль.

«Ого, на что я способна! – удивлялась самой себе. – Имею право. В конце концов, я не на пресс-конференции и не в театре...»

Лечь неподвижно с иглой в вене несколько часов подряд тоже не могла.

– Вернись на кровать – так будет лучше для ребенка, – принялась убеждать меня мой врач, увидев стоящей у изголовья постели.

– Хоть режьте, хоть вяжите, а не лягу! – выпалила я.

– Ну, хорошо – постой немного.

...За стенами палаты то и дело раздавался плач родившихся младенцев, вызывая зависть у мучавшихся схватками. Тем временем Толстенкова ничего утешительного сказать

не могла – мое тело не было готово «выпустить» ребенка. Оставалось терпеть и ждать. Сколько – неизвестно. Хотелось ли плакать? Очень.

В полушаге от меня молодая девушка постоянно срывалась на рыдания: «Да сделайте же что-нибудь! Я сойду с ума!» А дежуривший в ту смену врач с каким-то особым железным хладнокровием отвечала: «Ничем не могу помочь. Больно – это хорошо, так и должно быть». Глядя на несчастную, вместо поддержки получившую практически «пощечину», я радовалась тому, что договорилась об индивидуальном сопровождении. А еще понимала, что жалость сейчас – мой самый большой враг. Жалость отнимает много сил, да и времени на слезы не было – сдавливающая боль сковывала и скручивала каждые три-четыре минуты.

Когда шли схватки, отвлекала себя, как могла. Вспомнив об активном, так называемом «заячьем» дыхании, которому учили в «Материнстве»,

вслед за схваткой стала дышать часто и шумно, словно накачивая насосом камеру. Боль при этом не утихла, как обещали беременным в центре, зато я придумала спасительное занятие, за которое уцепилась, как утопающий за соломинку, и пользовалась им до самого конца: своим дыханием я старалась «обгонять» нарастающую схватку, не давая ей взять верх. Однако на собственном опыте убедилась – такие «забеги наперегонки» в течение долгих часов не проходят без последствий: после родов у меня надолго сел голос, опухло и воспалилось небо.

С обезболивающим, я поняла, в наших роддомах все «очень скромно». Это только в книгах и журналах для беременных приводят различные варианты анестезии. На деле могут поставить укол но-шпы – болезненный, но для меня пользы от него никакой, и еще «чтобы поспать» – в полузабытье боль притупляется. Вместо полутора часов такого «сна» я «проспала» минут сорок, но этой передышки было достаточно, чтобы продолжить выполнять самую тяжелую работу на свете.

...Наступило утро 25-го октября. Ночь показалась кошмарной. Глянула в окошко – выпал первый снег, на душе немного отлегло. Мужчины, прогуливающиеся возле приемного отделения роддома, вызвали приступ злости: «Вас бы сюда...»

Если бы Людмила Николаевна постоянно не наблюдала на специальном аппарате за тем, как чувствовал себя мой ребенок, я бы о нем совсем забыла – настолько мучительно проходили схватки. Меня бросало то в жар, то страшно колотило от озноба, а потом вдруг напала непрекращающаяся икота. По мобильному я вызвала своего врача, наверное, уже в сотый раз. «Если ничего не изменилось, соглашусь на экстренное кесарево». Но Толстенкова, осмотрев, обнадежила:

– Дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Давай еще немного потерпим.

«Еще немного» растянулось на четыре часа. Рядом на каталке забирали девушку, у которой после схваток с капельницей на «финал» уже не было сил. «Неужели и мне это светит?» – испугалась я. Однако, когда мое тело поддало долгожданный сигнал тужиться, у меня открылось второе дыхание, а когда врач позвала в родовую палату, я, схватив капельницу, чуть не вприпрыжку кинулась туда.

Беспрекословно следуя советам родовой бригады, старалась изо всех сил, но ребенок продвигался плохо. От потуг искры сыпались из глаз, от сверхусилий все двоилось и троялось перед глазами. В конце концов, врачебный гон – «Давай-давай, тяни-тяни, еще-еще!» – привел меня на какие-то секунды в состояние нереального пространства и времени. Будто я попала в невесомость, в которой человеческие звуки тонули, отзвываясь далеким эхом, а я стала частью фантастического мира, на автомате исполняя то, о чем меня просили...

Слова: «Есть! Головка есть!» – вернули меня в «здесь и сейчас», я облегченно вздохнула.

– Ну-ну! Чего расслабилась? – наехали тут же. – Еще не весь ребенок вышел...

Через пару секунд раздался «хлоп!», и я увидела повисшее тряпочкой в руках акушерки тельце малышки, измазанное синева-беловатым «кремом». «Неужели это беспомощное существо – мой ребенок, который еще пару часов назад был в животе?.. – пронеслось в голове. – И как она, бедняжка, жила там в такой тесноте, как помещалась?» Друг для друга мы были пока чужими, и только разумом я понимала, что это моя дочь. Однако первый

ее крик все расставил по местам. В следующее мгновение раздался не плач, а песня песней – так мне показалось – самый восхитительный на свете крик новорожденной. Тогда я впервые всей кожей почувствовала себя мамой.

А потом случилась небольшая истерика. Тело задрожало, и я заплакала, и от счастья, и от жалости к себе. Самая дорогая на свете награда досталась ценой невероятного напряжения – я ощущала себя победителем самой ожесточенной войны, многократным олимпийским чемпионом и много еще кем в том же духе. Было ли ликование победителя? Вряд ли. Ликование пришло позже, а пока вместо него – громадная усталость и еще горькое признание себе: «Второго сама рожать не пойду».

– А ну прекрати, – услышав всхлипы, строго пригрозила акушерка. – У нас после тебя еще роды, а нам сейчас придется тобой заниматься...

– Ты чего ревешь?! – удивилась медсестра. – Смотри, какая красавица.

И показала основательно спеленутый столбик с опухшими глазами, вымазанными чем-то желтым.

...Дочку не оставили со мной, сказав, что ребенок очень слаб после затяжных родов, я – тоже, и лучше, если за ней какое-то время понаблюдает врач. Принесли ее вечером того же дня. Ждала с волнением и смешанными чувствами: «Как у меня получится с ней, воспримет ли она меня как маму или ей все равно, кто рядом сейчас?», «Да что я за мать, если так думаю?»

– Зачем отодвигаешься? Я ей ребенка на кормление, а она пятится... – буркнула медсестра, ловко подвинув к груди мордашку ребенка, как слепого котенка.

Малышка сразу принялась сосать, вызвав у меня море эмоций: «И как это она так? Как понимает, что надо делать? Ведь, поди, палец не взяла бы в рот?.. Чудо, настоящее чудо!..»

Агата была спокойной малышкой, много спала, на крики младенцев не реагировала, хорошо прибавляла в весе. Казалось бы – отсыпайся, мамочка. Ан нет. Мысленно я бесконечно прокручивала пленку того невероятного события, которое, без сомнения, стало главным в жизни, не отходила от дочери и недоумевала: как ее вообще могло не быть у меня? Через три дня родовой кошмар практически рассеялся, и, глядя, как во сне улыбается моя радость, я подумала, что ради такого сокровища согласна еще раз на муки.

...Заходила к нам с Агушей Людмила Толстенкова, которая стала мне чуть ли не родным человеком – низкий ей поклон за помощь и поддержку.

– Не спишь по ночам?

– Сплю, – бодро кивнула я.

– Ага, я вижу по кругам под глазами...

– Зато какими блестящими они стали! – выкрутилась я.

– Ты молодец, – напоследок добавила она. – Все сама смогла. Знаешь, на операцию женщина всегда успеет, а вот родить – значит победить. Ну, ничего-ничего... Следующий раз будет легче – дорожка уже проторена...

ЛЮДМИЛА БОРЮШКИНА